

RU

Образ Прометея в контексте транс- и постгуманистической мысли: этические аспекты

Казакова И. Б., Сафонова Е. В.

Аннотация. Цель исследования – выявление особенностей использования образа Прометея как инструмента этической аргументации в философии трансгуманизма и постгуманизма. В статье рассматриваются сочинения представителей трансгуманизма и мыслителей, стоящих на позиции постгуманизма, в которых образ Прометея служит для выражения или иллюстрации этических позиций этих направлений мысли. В работе описаны и сопоставлены два способа интерпретации образа: прометеевский оптимизм трансгуманизма, акцентирующий моральное право человека на технологический прогресс, и прометеевская амбивалентность постгуманизма, привлекающая внимание к этическим и экзистенциальным проблемам технологических преобразований человеческой природы. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые на материале философских и футурологических текстов транс- и постгуманизма выявлены этические коннотации образа Прометея как символического выражения гуманистической и антропоцентрической системы представлений. В результате исследования установлено, что образ Прометея в равной степени востребован как в транс-, так и в постгуманистическом дискурсе в силу его соответствия ключевой для обоих течений проблематике. Вместе с тем выявлены существенные различия в его этической интерпретации: трансгуманизм использует прометеевский миф для обоснования моральной легитимности технологического улучшения человека, в то время как постгуманизм обращается к образу Прометея с целью критики антропоцентризма и пересмотра традиционных бинарных оппозиций, лежащих в основе гуманистической этики.

EN

The image of Prometheus in the context of trans- and posthumanist thought: ethical aspects

I. B. Kazakova, E. V. Safonova

Abstract. The purpose of the study is to identify the features of using the image of Prometheus as an ethical argumentation tool in the philosophy of transhumanism and posthumanism. The article examines the writings of representatives of transhumanism and posthumanist thinkers, in which the image of Prometheus serves to express or illustrate the ethical positions of these lines of thought. The paper describes and compares two ways of interpreting the image: the Promethean optimism of transhumanism, which emphasizes the moral right of man to technological progress, and the Promethean ambivalence of posthumanism, which draws attention to the ethical and existential problems of technological transformations of human nature. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time, based on the material of philosophical and futurological texts of trans- and posthumanism, ethical connotations of the image of Prometheus as a symbolic expression of a humanistic and anthropocentric system of representations are revealed. As a result of the study, it was found that the image of Prometheus is equally in demand in both trans- and posthumanist discourse due to its correspondence to the key issues for both trends. At the same time, significant differences in its ethical interpretation have been revealed: transhumanism uses the Promethean myth to substantiate the moral legitimacy of technological improvement of man, while posthumanism turns to the image of Prometheus in order to criticize anthropocentrism and revise the traditional binary oppositions underlying humanistic ethics.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена направленностью современной философско-этической мысли на вопросы осмысления технологического будущего человека, границ его природной данности и моральной допустимости вмешательства в человеческую природу. В условиях стремительного развития биотехнологий, искусственного интеллекта и когнитивных усовершенствований человека особую значимость приобретает анализ культурных символов, которые служат для выражения идей транс- и постгуманизма – интеллектуальных

течений, сосредоточенных на осмыслении возможных последствий внедрения трансгуманистических технологий в жизнь человека и социума.

Для достижения поставленной в исследовании цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть особенности этической позиции трансгуманизма и постгуманизма, а также их отношение к гуманистической идеологии и к концепции антропоцентризма;
- проанализировать сочинения представителей транс- и постгуманистической мысли, в которых образ Прометея используется для выражения точки зрения авторов на современные этические и философско-антропологические проблемы;
- сопоставить функции образа Прометея как инструмента этической аргументации в транс- и постгуманизме.

Для проведения сравнительного анализа интерпретаций образа Прометея как инструмента этической аргументации в философии транс- и постгуманизма в данной статье применяются следующие методы: герменевтический метод, позволяющий интерпретировать миф о Прометее как способ выражения этических идей; метод концептуального анализа, который применяется для выделения понятий, определяющих специфику трактовки образа Прометея в каждой из рассматриваемых традиций; сравнительный метод, который служит для выявления универсальных и специфических черт в использовании образа Прометея в транс- и постгуманизме.

Материалом для исследования послужили теоретические тексты транс- и постгуманистической направленности, в которых для выражения авторской позиции используется образ Прометея (Деррида, 2019; Bostrom, 2005; Haldane, 1928; Hassan, 1977; Latour, 2008; Stock, 2002; Young, 2006).

Теоретическую базу исследования составляют сочинения, в которых содержится анализ образа Прометея как мифологического персонажа и как культурного символа (Кереньи, 2021; Лосев, 1976; Маркузе, 2003; Платон, 1965; Шубарт, 2000), а также работы, в которых рассматриваются различные аспекты транс- и постгуманизма (Катерный, 2018; Летов, 2008; Мерзляков, 2022; Хабермас, 2002; Franssen, 2014; Lockhart, 2025).

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его материалов при разработке и преподавании учебных дисциплин, посвященных проблемам современной этической мысли, а также истории идей XX-XXI вв. Кроме того, представленный в статье опыт сравнительного анализа интерпретаций мифологемы Прометея в транс- и постгуманистической мысли может быть использован в качестве основы для дальнейших исследований роли культурных символов в современном научном и философском дискурсе.

Обсуждение и результаты

Долгое время образ титана Прометея – защитника и (по некоторым версиям мифа) создателя людей – был одним из самых популярных в западной культуре (Кереньи, 2021, с. 55-81). На протяжении веков возникали все новые художественные воплощения и философские интерпретации этого образа: в Античности история Прометея служила для выражения религиозных сомнений у Эсхила и философских раздумий о характере отношений части и целого у неоплатоников, в сочинениях отцов церкви Прометей как неудачливый творец противопоставлялся истинному Создателю, в эпоху Возрождения этот титан стал воплощением мудрости и трудолюбия (Лосев, 1976, с. 229-254). В литературе и философии Нового времени Прометей предстает как романтический бунтарь у Дж. Г. Байрона и П. Б. Шелли, как вневременный символ человеческой экзистенции у И. В. Гете и Ф. Ницше, как воплощение культуры, противостоящей природе, у Ж.-Ж. Руссо (Лосев, 1976, с. 256-272). Наконец, у В. Шубарта (2000, с. 13) и Г. Маркузе (2003, с. 141) Прометей становится символом самой эпохи Нового времени, которая ассоциируется у этих мыслителей с техникой, эксплуатацией человека и подавлением в нем творческого начала.

Включение образа Прометея в постмодернистский контекст произошло во многом благодаря статье И. Хассана (Hassan, 1977) «Прометей как исполнитель: на пути к постгуманистической культуре»: в ней легендарный титан предстает как символ зарождающейся постгуманистической эпохи, которая снимет традиционные для гуманизма противоречия между субъектом и объектом, человеком и машиной, наукой и культурой (Hassan, 1977). Связь образа Прометея с постгуманистической проблематикой была в дальнейшем отмечена и другими мыслителями-постмодернистами (Деррида, 2019; Latour, 2008), но в то же время этот образ оказался востребован и в сочинениях трансгуманистической направленности (Bostrom, 2005; Haldane, 1928; Stock, 2002; Young, 2006), продолжающих традицию истолкования мифов о Прометее в духе новоевропейского гуманизма. Таким образом, в последней четверти XX – начале XXI в. образ Прометея оказался связан с двумя влиятельными течениями мысли – постгуманизмом и трансгуманизмом, отличия между которыми во многом обусловлены их отношением к концепции гуманизма и их этическими установками. Рассмотрение различных интерпретаций мифа о Прометее в сочинениях транс- и постгуманистов позволит лучше уяснить особенности этих двух течений современной мысли.

Хотя транс- и постгуманизм оформились как самостоятельные течения мысли только во второй половине XX в., их истоки следует искать в философских и научных концепциях Нового времени. Н. Бостром (Bostrom, 2005), один из современных теоретиков трансгуманизма, полагает, что первые трансгуманистические идеи можно встретить уже в мифологиях древних народов, но становление трансгуманизма как системы представлений началось в эпоху Возрождения – одновременно со сложением гуманистической идеологии. «Речь о достоинстве человека» Дж. Пико делла Мирандола, в которой этот гуманист XV в. описывает человека как существо, не имеющее готовой формы и само отвечающее за свое формирование, является для Н. Бострома (Bostrom, 2005, р. 1-2) возрожденческим манифестом трансгуманизма. Воззрения просветителей, делавших акцент на эмпирической науке и критическом разуме, дарвиновская теория эволюции и научно-технический прогресс XIX-XX вв. также сыграли роль в становлении трансгуманизма. В настоящее время трансгуманизм

представляет собой спектр разнообразных течений мысли, технологических разработок, социальных практик, которые объединяет общая идея о необходимости дальнейшей осознанной и контролируемой эволюции человеческого вида посредством различных технологий (Bostrom, 2005).

Заметное место в трансгуманистической мысли занимают этические проблемы (Летов, 2008). Во-первых, это вопросы философской этики, связанные с переосмыслением фундаментальных категорий человеческого существования (такие как долг, свобода, счастье, справедливость) и с самим пониманием человека как носителя нравственного сознания. Во-вторых, это вопросы прикладной и профессиональной этики – биоэтики, инженерной и медицинской этики, этики геномных исследований (Bostrom, 2005, р. 16-20). Существует точка зрения, что именно в сфере этики сосредоточены основные проблемы формирования нового – трансгуманистического – представления о человеке: так, Ю. Хабермас замечает, что благодаря геномным исследованиям кантианское царство необходимости, то есть природа, превратилось в царство случайности, а геномные технологии сместили границы между этой «неподвластной чужому влиянию естественной основой и “царством свободы”» (2002, с. 39), что неизбежно должно изменить всю структуру нашего морального опыта.

По сравнению с трансгуманизмом, постгуманизм – это более широкое и теоретически неоднородное течение, представители которого пытаются переосмыслить наследие классического гуманизма и антропоцентризма. Постгуманисты не стремятся к интеллектуальной и физической трансформации человека, их цель – пересмотреть место человека в его отношениях с природой, предметным миром, технологиями, в конечном итоге – пересмотреть само понятие человека (Мерзляков, 2022, с. 34-40). Вместо автономного субъекта, отделенного от природы и мира (каким человек предстает в классическом гуманизме), постгуманизм предлагает модель реляционной идентичности, то есть идентичности, которая формируется не внутри индивида, а в сетях его связей с миром (Катерный, 2018).

Для постгуманизма, как и для трансгуманизма, этическая проблематика является ключевой, но если трансгуманизм видит в этике в первую очередь способ защитить человечество от техногенных опасностей, постгуманизм стремится пересмотреть сами основания этики. Вместо использования традиционно сложившихся алгоритмов принятия моральных решений, постгуманизм предлагает опираться на реляционную этику – интуитивную, эмпатическую и ситуационную. Кроме того, актуальная этическая проблематика для представителей постгуманизма связана с поисками новых оснований свободы и автономии человека как способа борьбы с властью цифровых алгоритмов, биотехнологий, а также с растущей самостоятельностью современных информационных систем (Lockhart, 2025).

Как было сказано выше, в своих сочинениях транс- и постгуманисты нередко обращаются к образу Прометеев, используя его для выражения своих этических идей. Для трансгуманизма в образе этого титана главными являются черты, сближающие его с гуманистической моделью человека. Уже в 1924 г. Дж. Б. С. Холдейн (Haldane, 1928), один из предшественников трансгуманизма, в своем эссе «Дедал, или Наука и будущее» (“Daedalus or Science and the Future”) утверждал, что «химический или физический изобретатель – это всегда Прометей. Нет ни одного великого изобретения, от огня до полета, которое не было бы встречено как оскорбление какого-либо бога» (Haldane, 1928, р. 44) (здесь и далее перевод наш. – И. К., Е. С.). Это утверждение Дж. Б. С. Холдейна отсылает к древнегреческой концепции гордыни (*hubris*), о которой в связи с мифом о Прометее упоминает и Н. Бостром (Bostrom, 2005). Философ пишет о предьстории трансгуманизма: «Стремление выйти за пределы наших естественных ограничений долгое время воспринималось неоднозначно. Обуздывает это стремление концепция гордыни (*hubris*) – идея о том, что некоторые амбиции находятся под запретом, и, если им следовать, они обернутся против самого человека. Древние греки отразили эту двойственность в своей мифологии. Прометей похитил огонь у Зевса и отдал его людям, тем самым навсегда улучшив участь человечества. Однако за этот поступок он был жестоко наказан Зевсом» (Bostrom, 2005, р. 1).

Гибрис – гордыня, ведущая к пагубным социальным и этическим последствиям, – в древнегреческом обществе воспринималась в первую очередь как порок, свойственный элите общества (гибрис «сверху»). Однако это понятие могло применяться и по отношению к низшим социальным слоям, и в этом случае под «гибрис» понималась попытка выйти за установленные обществом пределы дозволенного, нарушив тем самым социальную иерархию (гибрис «снизу») (Canevaro, 2025, р. 70-75). Таким образом, концепция гибрис играла в греческом обществе двойственную роль: с одной стороны, она должна была обличать гордыню социальных верхов, а с другой стороны – ограничивать дерзость низов.

Применяя концепцию гибрис к мифу о Прометее, похитившем небесный огонь и передавшем его человечеству, Дж. Б. С. Холдейн (Haldane, 1928) и трансгуманист Н. Бостром (Bostrom, 2005) усматривают в этом мифе гибрис «снизу» – дерзкую попытку Прометеев выйти за пределы установленного порядка, чтобы восстановить справедливость, и в таком поведении мифологического покровителя человечества эти мыслители видят нравственный образец, достойный людского подражания.

Еще один представитель трансгуманизма – биофизик Г. Сток (Stock, 2002) – в своей работе «Перепроектирование людей» (“Redesigning Humans”) пишет о скором появлении геномных технологий, которые позволят полностью контролировать эволюцию человека. Г. Сток (Stock, 2002) полагает, что использование таких технологий не создаст для человечества новых трудностей, если ученые будут придерживаться этики геномных исследований, а проблеме возможного расслоения общества на генетически улучшенных и неулучшенных людей, по мнению ученого, можно будет решить путем массового распространения и снижения стоимости технологий (Stock, 2002, р. 139-152). Поскольку Г. Сток (Stock, 2002, р. 132-139) не видит в перспективе геномного улучшения людей никаких серьезных этических проблем, тема Прометеев в «Перепроектировании людей» лишена морального аспекта. Образ Прометеев для Г. Стока – выражение неудержимого стремления людей к познанию и освоению нового. Ученый пишет: «Некоторые полагают, что мы увидим опасности, задумаемся и отвернемся от таких

возможностей. Но когда мы представляем Прометея, крадущего огонь у богов, мы не испытываем недоверия или шока от его поступка. Это слишком характерно для людей. Отказаться от мощных технологий, которые несут геномика и молекулярная биология, было бы так же несвойственно человечеству, как и использовать их без оглядки на опасность, которую они могут представлять. Мы не сделаем ни того, ни другого» (Stock, 2002, p. 2). Таким образом, миф о похищении огня становится у Г. Стока аргументом в пользу преодоления моральных сомнений во имя научно-технического прогресса.

Близким образом трактует образ Прометея С. Янг (Young, 2006) в своем «Трансгуманистическом манифесте» (“Designer Evolution – A Transhumanist Manifesto”). Этот мыслитель полагает, что человечество, наделенное врожденной «волей к эволюции» (Young, 2006, p. 39), должно избавиться себя от проклятия биологических ограничений своего существования: «Человечество вырвет эволюцию из рук неумелой природы и возьмет ее в свои трансчеловеческие руки» (Young, 2006, p. 38). Волю к эволюции, то есть «врожденное человеческое стремление увеличивать знания и способности, даже ценой временных страданий» (Young, 2006, p. 38), у С. Янга олицетворяет Прометей. Философ пишет: «Давайте станем новыми Прометеями. Давайте объединимся в нашем стремлении смело идти туда, где еще никто не бывал, в поисках знания, с помощью которого можно преодолеть ограничения человеческого существования. Давайте отбросим страхи и возьмем в свои руки факел Прометея» (Young, 2006, p. 40).

В целом позиция С. Янга выглядит более радикальной, чем взгляды Г. Стока: автор «Трансгуманистического манифеста» рассматривает преобразование природы человека не как возможность, которой люди могут воспользоваться, а как моральный долг человечества перед самим собой (Young, 2006, p. 39).

Все приведенные выше трансгуманистические интерпретации образа Прометея объединяет антропоцентрический подход и гуманистическая вера в безграничные познавательные и творческие возможности человека. В рамках этого подхода образ Прометея выполняет легитимирующую функцию: он служит символическим обоснованием морального права человека на технологическую самотрансформацию и переустройство природы. Постгуманистические и – шире – постмодернистские трактовки образа Прометея отличаются большим разнообразием. В упомянутой выше статье И. Хассана (Hassan, 1977) «Прометей как исполнитель» легендарный титан предстает как вестник зарождающейся эпохи постмодерна, который поставит под сомнение традиционные дихотомии единого и множественного, всеобщего и конкретного, субъекта и объекта, мужского и женского. И. Хассан (Hassan, 1977) видит в Прометее – одновременно самоотверженном герое и воре – персонажа, который пересекает границы божественного и человеческого, возвышенного и низменного. Именно поэтому Прометей становится у И. Хассана (Hassan, 1977) символом преодоления любых границ: «Возможно, Прометей – это смутная метафора разума, борющегося с Единым и Множественным. <...> Его разум – это место, где встречается Воображение и Наука, Миф и Технология, Язык и Число. Или, если выразиться пророчески и архетипически, Прометей предвещает бракосочетание Земли и Неба. И только тогда, возможно, постгуманизм увидит неясный свет нового дня» (Hassan, 1977, p. 835).

В отличие от трансгуманистов, для И. Хассана (Hassan, 1977, p. 843) в мифе о Прометее важны не столько свершения титана как создателя людей и их прототипа, сколько амбивалентность этого персонажа и этическая неоднозначность его поступков, что, по мнению этого исследователя, открывает дорогу для переосмысления самого понятия человека. Как замечает Т. Франссен, «благодаря своей двусмысленности, способности пересекать границы и помощи человечеству в преодолении его собственных пределов и эволюции, Прометей для Хассана олицетворяет постгуманистическую культуру, в которой бинарные оппозиции гуманизма растворяются, а его концепция человека и антропоцентризм ставятся под сомнение» (Franssen, 2014, p. 75).

Идея разрушения привычных для гуманизма оппозиций присутствует и в интерпретации прометеевской темы в статье Ж. Деррида (2006) «Животное, которым я следовательно являюсь» (“L’Animal que donc je suis”). Философ обращается к изложенной в платоновском «Протагоре» версии мифа о титане, согласно которой Прометей даровал людям огонь и ремесла, поскольку его брат Эпитемей, распределяя различные полезные качества и способности между живыми существами, забыл выделить что-либо людям (Платон, 1965, с. 63-64). То есть, заключает Ж. Деррида, «парадоксальным образом через ошибку и недостаток человек делается субъектом, который властвует над природой и животными» (2019, с. 243). Акцентируя этот аспект мифа о Прометее, философ в духе постгуманизма подвергает деконструкции свойственные гуманизму и антропоцентризму дихотомии «субъект и объект», «человек и животное» и предлагает сформировать новое – этическое – отношение к животным, которое не будет основываться на идее человеческого превосходства над ними (Деррида, 2019, с. 246-255).

Еще одна постгуманистическая интерпретация образа Прометея представлена в лекции социолога и философа Б. Латура (Latour, 2008) «Осторожный Прометей? Несколко шагов к философии дизайна» (“A Cautious Prometheus? A Few Steps Towards a Philosophy of Design”). Согласно Б. Латуру, традиционный Прометей – это герой эпохи Нового времени, который действует решительно и стремится к прогрессу, не заботясь о последствиях (Latour, 2008, p. 3). Настало другое время, когда, столкнувшись с экологическими кризисами, человечество должно действовать более осторожно: «Мне кажется, сказать, что вы планируете что-то спроектировать, не несет в себе риска гордыни (hubris), в отличие от заявления, что вы собираетесь что-то построить. <...> Расширение значения слова «дизайн» является указанием (конечно, слабым) на то, что можно было бы назвать пост-прометеевской теорией действия. <...> Именно в тот момент, когда масштабы стоящих задач фантастически возросли из-за различных экологических кризисов, непрометеевское или пост-прометеевское понимание того, что значит действовать, начинает овладевать общественным сознанием» (Latour, 2008, p. 3). Результатом такого понимания, по мнению Б. Латура, становится новый способ действовать: «Словно инженерная традиция должна соединиться в принципе предосторожности; словно нам предстоит представить себе Прометея, который осторожно похищает огонь с небес! Очевидно, что на этом историческом повороте две абсолютные чуждые друг другу системы

страстей (чуждые, по крайней мере, для модернистского этоса) приходится соединять и согласовывать» (Latour, 2008, р. 4). Таким образом, современное понятие дизайнера, полагает Б. Латур, подразумевает скромность, внимание к деталям, а также включает в себя этическое измерение: можно ставить вопрос о том, хорошо или плохо что-либо спроектировано (Latour, 2008, р. 5).

Следуя концепции Б. Латура, новый постгуманистический Прометей не должен претендовать на творение «из ничего», должен просчитывать все последствия своих действий (включая моральные последствия), не должен страдать гордыней, то есть быть чрезмерно самонадеянным. Осторожный Прометей становится символом новой эпохи: перед ним стоит грандиозная задача переделать все (от климата до человеческой среды обитания), но он должен действовать обдуманно и с вниманием к деталям.

Таким образом, для постгуманистических трактовок образа Прометея характерны не акцент на деяниях титана как культурного героя и восприятие его поступков как образца для подражания (что свойственно трансгуманизму), а попытки выявить и пересмотреть базовые представления, лежащие в основе образа Прометея как «бессмертного прообраза человека» (Кереньи, 2021, с. 39), – веру в моральное право человека на технологический прогресс и восприятие окружающего мира как инструмента для человеческой деятельности. Следовательно, образ Прометея выполняет в постгуманизме деконструирующую функцию: он используется здесь для критики антропоцентрических дихотомий и пересмотра гуманистической этики, основанной на идее исключительности человека.

В современной массовой культуре была предпринята попытка объединить оба подхода применительно к мифу о Прометее: в научно-фантастическом фильме «Прометей» (2012, режиссер Р. Скотт) содержатся элементы как транс-, так и постгуманистической парадигмы, что делает этот фильм одной из самых оригинальных современных интерпретаций прометеевской темы. Самые явные отсылки к мифу о Прометее в этом фильме – это изображение акта творения в прологе, где антропоморфный представитель инопланетной цивилизации жертвует своей жизнью ради создания человечества, а также дерзкий (исполненный гордыни – *hybris*) поступок людей, отправившихся в космическую экспедицию с целью узнать тайну своего происхождения и добыть рецепт бессмертия. К трансгуманистическим элементам фильма можно отнести изображение технологий будущего (капсулы криогенного сна, андроид с искусственным интеллектом), а также саму космическую миссию «Прометея» как символ человеческого стремления к знаниям и вызов «богам» – сверхчеловеческой цивилизации. Постгуманистический пафос в «Прометее» возникает благодаря критике антропоцентризма (герои фильма выясняют, что люди являются несовершенными творениями высших существ) и прогрессивных технологий, которые оказываются опасными для людей. Кроме того, к постгуманистической тематике фильма Р. Скотта следует отнести присутствие в сюжете нечеловеческих субъектов – андроида и инопланетян-«инженеров», логика поступков которых недоступна человеку. Присутствует в фильме и этическая проблематика: по словам Р. Скотта, недовольство «инженеров» людьми было обусловлено низким моральным уровнем человечества (Spitznagel, 2012).

Таким образом, основная проблематика фильма «Прометей» связана не с трудностями внедрения трансгуманистических технологий, а с постгуманистической критикой антропоцентризма: фильм ставит вопрос не о том, как улучшить человека, а о том, может ли человечество выстроить диалог с Другим (природой, искусственным интеллектом, инопланетным разумом). Такая постановка проблемы позволяет рассматривать фильм Р. Скотта как постгуманистическую версию мифа о Прометее, заключенную в рамки трансгуманистического жанра – научной фантастики.

Заключение

Рассмотрев ряд транс- и постгуманистических интерпретаций образа Прометея, можно прийти к следующим выводам: представители обоих течений в своих сочинениях неоднократно обращались к образу Прометея, что свидетельствует о соответствии содержания мифов о титане основной тематике и проблематике транс- и постгуманизма. Для трансгуманизма образ Прометея является вдохновляющим примером и символом стремления человека к техническому прогрессу и покорению природы. Этические аспекты трансгуманистических интерпретаций мифа о Прометее сводятся к обоснованию морального права человека на преобразование природы (в том числе собственной).

В постгуманизме миф о Прометее становится поводом для анализа и пересмотра основных составляющих гуманизма как антропоцентрической системы представлений. Образ Прометея позволяет постгуманистам подвергнуть деконструкции такие классические дихотомии, как субъект/объект, живое/неживое, человек/животное. Кроме того, пересмотру подвергается свойственная гуманизму и трансгуманизму оценка деяний Прометея как нравственного эталона человеческого поведения, при этом постгуманизм не предлагает взамен антропоцентрической этике новые моральные принципы, а лишь ищет основания для формирования новой этики – менее императивной, более гибкой и приближенной к реальному миру.

Сравнение интерпретаций образа Прометея в сочинениях транс- и постгуманистов выявило существенные отличия их этических позиций. Трансгуманизм стремится подчинить этику задачам физического и интеллектуального совершенствования человека и не видит никаких непреодолимых моральных препятствий на пути подобных трансформаций. Постгуманизм рассматривает человека как концепцию, которая нуждается в переосмыслении, и в первую очередь переоценке должны быть подвергнуты антропоцентрические этические представления, лежащие в основе морального сознания современного человека.

Сопоставление функций образа Прометея как инструмента этической аргументации подтверждает это различие: в трансгуманизме мифологема работает как легитимирующий символ, обосновывающий моральное

право человека на самотрансформацию и технологическую экспансию, а в постгуманизме – как отправная точка и важнейший элемент процесса деконструкции самих оснований антропоцентрической этики и переосмысления субъектности человека в отношениях с нечеловеческими агентами.

В качестве перспектив дальнейшего исследования проблемы можно назвать выявление и систематическое описание особенностей функционирования образа Прометея как этической мифологемы в современном философском и научном дискурсе, а также в современной художественной литературе и массовой культуре.

Материалы исследования | Research materials

1. Деррида Ж. Животное, которым я следовательно являюсь / пер. с фр. Н. Архипова // Социология власти. 2019. Т. 31. № 3.
2. Bostrom N. A History of Transhumanism Thought // Journal of Evolution & Technology. 2005. Vol. 14 (1).
3. Haldane J. B. S. Daedalus or Science and the Future. L.: Kegan Paul, Trench & Co, 1928.
4. Hassan I. Prometheus as Performer: Toward a Posthumanist Culture? // The Georgia Review. 1977. Vol. 31. No. 4.
5. Latour B. A Cautious Prometheus? A Few Steps Towards a Philosophy of Design. 2008. <http://www.bruno-latour.fr/sites/default/files/112-DESIGN-CORNWALL-GB.pdf>
6. Spitznagel E. Q+A: Ridley Scott's Star Wars // Esquire. 2012. June 4. https://www.esquire.com/entertainment/interviews/a14300/ridley-scott-prometheus-interview-9423167/?click=main_sr
7. Stock G. Redesigning Humans: our inevitable genetic future. Boston – N. Y.: Houghton Mifflin Company, 2002.
8. Young S. Designer Evolution – A Transhumanist Manifesto. N. Y.: Prometheus Books, 2006.

Источники | References

1. Катерный И. В. Трансмобильность в постгуманизованном мире: как все еще возможен социальный порядок? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-4-638-650>
2. Кереньи К. Прометей: архетипический образ человеческого существования. М.: Касталия, 2021.
3. Летов О. В. Трансгуманизм и этика // Вестник культурологии. 2008. № 4.
4. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976.
5. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2003.
6. Мерзляков С. С. Постгуманизм vs трансгуманизм: от «конца исключительности» к «технологическому гуманизму» // Общественные науки и современность. 2022. № 4. <https://doi.org/10.31857/S0869049922040037>
7. Платон. Протагор // Платон. Избранные диалоги. М.: Художественная литература, 1965.
8. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы / пер. с нем. М.: Весь Мир, 2002.
9. Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: Русская идея, 2000.
10. Canevaro M. The Hybris of the Downtrodden: Honour and Social Control in Ancient Greek Society (and Today) // Hubris, Ancient and Modern: Concepts, Comparisons, Connections / ed. by D. Cairns, N. Bouras and E. Sadler-Smith. Cambridge: Cambridge University Press, 2025.
11. Franssen T. Performer or Transformer? Prometheus and “Posthumanism” // Post- and transhumanism: an introduction / ed. by R. Ranisch and S. L. Sorgner. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014.
12. Lockhart E. N. S. Transhumanism as Capitalist Continuity: Branded Bodies in the Age of Platform Sovereignty // Humans. 2025. Vol. 5. Issue 3. <https://doi.org/10.3390/humans5030021>

Информация об авторах | Author information

Казакова Ирина Борисовна¹, д. филол. н., доц.
Сафонова Евгения Викторовна², к. пед. н., доц.

^{1,2} Самарский государственный социально-педагогический университет

Irina Borisovna Kazakova¹, Dr
Evgenia Viktorovna Safonova², PhD

^{1,2} Samara State University of Social Sciences and Education

¹ kib_sam@mail.ru, ² evgg_71@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 30.03.2026; опубликовано online (published online): 24.04.2026.

Ключевые слова (keywords): трансгуманистические технологии совершенствования человека; постгуманистическая критика антропоцентризма; философские интерпретации образа Прометея; гуманистическая этика; transhumanistic technologies of human improvement; posthumanistic criticism of anthropocentrism; philosophical interpretations of the image of Prometheus; humanistic ethics.